

СОЮЗ АНОНИМОВ

Я видел его каждое утро – в помятой бескозырке, мутных очках и дедовом лапсердаке, человек этот стоял на перекрёстке города Почечуйска, но не переходил улицу, пока горел зелёный свет, пока автомобили времён Великой депрессии томились у «зебры». Едва загорался красный, авто с рёвом срывались в полёт, тогда и человек в бескозырке начинал свой бег, лавируя между шустрым металлоломом. Как я потом понял, делал он это исключительно по своей природной дурости. Не надо говорить, какие словечки отпускали ему вслед водители колымаг, но человек в бескозырке их не слышал. Он витал в облаках выхлопных газов, он выкрикивал слова только что сочинённой оды и ходил на демонстранта-одиночку или буйно помешанного. Несколько раз полиция даже арестовывала его за несанкционированный митинг, но потом отпускала, не обнаружив при нём ни плакатов, ни брошюр с запрещёнными текстами, ни наличных денег, а патриотические оды, как я потом узнал, он прятал глубоко в голове, в районе затылка. Увозила его неоднократно и карета скорой помощи, надев смирительную рубашку, но тоже быстро отпускала – всё по той же причине: отсутствие наличных денег, а оду лапсердачный поэт прятал от санитаров ещё глубже, в дальний угол головы, за правым ухом.

Вот и в то трагическое утро мчался он на красный свет, наперерез транспорту, выкрикивая очередную оду. Мутные очки его замутились ещё сильнее, а ватный лапсердак дымился от поэтического жара. Бескозырка крутилась на голове, запущенная вихрем мыслей, и надпись на ленте «Герой Почечуйского флота» оказалась, в конце концов, на затылке.

Бескозыркой поэт разжился, когда летом работал на побережье дождевого моря – катал на резиновом «банане» пьяных прохожих. Море быстро высохло, и потому работа быстро кончилась.

Где и как обитал герой Почечуйского флота, каким было его настоящее имя, никто не знал, и я не знаю, кроме того, что скрывался он под псевдонимом Халвавий Сладкий и состоял в Обществе анонимных поэтов, которое сам же и создал, и являлся пока что единственным его членом. Завлекал и меня, но я не завлёкся. Какой же я анонимный, если знаменит среди моей родни, друзей и соседей. Меня и местные коты с собаками знают. Так что предложение Халлавия Сладкого показалось мне даже и оскорбительным, но я великодушен, и недели через три я его простил, и даже позволил несколько приблизиться к себе, и даже открыться, и даже сдал в Общество анонимных поэтов членские взносы, так сказать, в порядке спонсорской помощи, ибо никаким членом я так и не стал.

Сблизившись с Халлавием Сладким, я узнал, что странный, лапсердачный поэт псевдоним свой объяснял родством – творческим, вестимо! – с писателями Горьким, Бедным, Голодным и др. К тому же, в сиротском детстве не доел он сладостей, и потому постоянно грыз рафинад, чем ещё больше оправдывал свой

псевдоним. Голодные, горькие и бедные времена прошли, подобные псевдонимы стали непопулярны, вот и сделался он Халвавием Сладким. Теперь все мечтали о сладкой жизни, о несметных богатствах, которые падали бы с неба, о райских гуриях в быту, и вообще, о прописке в раю при жизни, минуя чистилище и прочие коммунальные неудобства.

Бедные и голодные сограждане всеми презирались. Я их тоже презираю, но не афиширую это, потому что, как вы уже, наверно, заметили, я весьма умён и демократичен.

Главная (и единственная) книга Халлавия Сладкого называлась «Суфлёвое суфле» – на неё ушла вся зарплата поэта на флоте. Заполнена книга была самыми сладкими рифмами, рассуфлёванными на ста страницах, которые то и дело слипались. Книга нежно делилась на разделы, стыдливо раздвигая свои белоснежные страницы, как неопытная кокетка. Назывались разделы: «Малиновое суфле», «Розовое суфле», «Голубое суфле», «Сахарное суфле». Книгу эту Халлавий всучил мне при первой же встрече, потом повторно дарил при каждом новом столкновении у перекрёстка, и у меня скопилось целая библиотечка из его «Суфлёвого суфле», и я стал опасаться, как бы он не подарил мне весь тираж своего сладкого детища.

Вот образец любовной лирики Халлавия Сладкого из «Малинового суфле»:

Ты лежишь на моей софе,
 Как малиновое суфле.
 Ты в постели моей лежишь
 И потягиваешь гашиш.
 Говоришь ты мне: «Сильь ву пле!»
 О, малиновое суфле!

Но, несмотря на правильный псевдоним и правильные стихи, терпел всё-таки наш поэт постоянные гонения – его гнали взашей из издательских кабинетов. А вот мусорные корзины издательств относились к нему благосклонно и рукописи его всегда принимали, но Халлавий искал мировой славы, и однажды оставил рукопись в мусорной корзине иностранного издания «Форбс», чем очень гордился. Однако вскоре его стали гнать и от мусорных корзин. Злобные уборщицы били его шваброй и ругали, на чём свет стоит, что не успевают вытряхивать переполненные урны.

Халлавию Сладкому поневоле пришлось уйти в глубокое подполье. Посередине головы, где темечко, зашевелилась у него однажды такая мысль: настоящий поэт должен быть в оппозиции к власти, должен быть революционером и подпольщиком. Что ж, один советский поэт тоже так считал, возопив однажды: «У поэтов и революционеров одинаковые черепа!» Поэт этот имел, видимо, склонность к антропологии. Халлавий Сладкий всё сильнее ощущал себя и в уме, и на ощупь убеждённым революционером, и потому вошёл в Общество анонимных поэтов, которое в ту же минуту слилось с Обществом анонимных алкоголиков и анонимным Обществом слепых по точкам зрения. Так возник «Союз Анонимов». Объединиться-то они объединились, но консолидирующей идеи у них пока что не было. Анонимные алкоголики пили просто так, без всякой идеи. Слепые по точкам зрения глядели в разные стороны и никак не могли сфокусироваться на какой-либо одной, главной мысли. А у Халлавия Сладкого в голове был такой ералаш из рифм и од, словам было так тесно, что ни одной консолидирующей идее протиснуться между ними было просто невозможно.

Общество слепых по точкам зрения стало анонимным, потому что его не признавало легитимное, государственное Общество слепых и слабовидящих. Госинвалидам выплачивались пенсии и разные пособия, а анонимным – никто ничего не платил, более того постоянно поступали угрозы от соседей выселить их к чёртовой матери – а чёртова мать находилась далеко вато от Почечуйска – за шумные споры и раздоры. Громче всех кричал один слепец, ещё и глухой на оба уха, которого звали Вырвиглаз – за глаза, конечно, звали, ведь прямо в глаза – нельзя, ибо глаз у него не было. Не было никогда! Сплошная полоса плоти, разделённая носом, правда, весьма увесистым и чутким. Носом он и зрил.

Особо волновала «Союз Анонимов» леди Ю с Майдана. Очень уж забористая дивчина! Анонимы яростно спорили о том, какая коса у леди Ю: натуральная или всё же накладная, из пакли. Вырвиглаз кричал, что нет, не из пакли – из нитей драгметалла, и пошли на это запасы скифского золота. Не в Америку золото продали – на косу леди Ю его переплавили, всё целиком, весь звериный стиль. Анонимный спорщик утверждал, что самолично учуял своим всевидящим носом, как из косы леди Ю выглядывали не переваренные при плавке голова волчицы и клык вепря. Анонимные алкоголики охотно верили Вырвиглазу, потому что и сами частенько видели разных тварей в совершенно неожиданных местах и позах.

Анонимный поэт Халлавий Сладкий имел особое мнение по поводу леди Ю, которая хоть тоже понимала толк во всём, что сладко лежит, как и Халлавий, однако не была настоящей патриоткой, как он, готова была продать родину кому угодно, лишь бы за доллары. Родину Халлавий ни разу не продал – ни за чужую, ни за родную валюту, потому что валюты ему никто не давал.

Когда мы сблизились с Халлавием, то он мне – по большому секрету – признался, что кроме суфлёвой лирики пишет ещё и патриотические оды, пишет исключительно для души, и прячет эти оды глубоко в голове: то за правым, то за левым ухом, то в затылке или в лобной части своего могучего черепа поэта и революционера. Извлекал он оттуда свои оды только для самых доверенных членов подполья. И теперь, заломив бескозырку и рванув на груди лапсердак, вдохновенно прочитал своим анонимным братьям заветную оду, сочинённую за несколько дней до трагедии, на краю гибели, под красным светом светофора, между ревущими автомобилями:

Иду ли огородиной,
Пускай и пьяный в хлам,
Со мною моя родина –
Её я не продам!
Пускай она уродина,
И носит в подоле,
Я буду вечно с родиной –
И в небе, и в земле.

Стихи оказались пророческими – насчёт неба и, особенно, земли.

А надо сказать, незадолго до печальной развязки устроился я работать в гламурную газетку «ДиП» («Давала из Поддувала»), и мне заказали интервью с каким-нибудь известным поэтом, но поскольку известных поэтов, кроме себя, я не знал, то и решил хорошенько потрепать по холке Халлавия Сладкого – пусть народ потешится и снова убедится, что лучше меня поэтов нет. Только я приготовился

к журналистскому подвигу, как в то же утро, на моих глазах, Халлавий Сладкий попал под машину мэра Почечуйска, перебегая дорогу на красный свет – даже пачку рафинада не успел догрызть.

Жалко Халлавия, но с тех пор «Союз Анонимов» обрел, наконец, консолидирующую идею – они ежедневно устраивают вечер памяти великого творца, Халлавия Сладкого, героически погибшего в жерновах жестокой государственной машины. Вечер памяти доводит анонимов до полного беспамятства, но знамя своё с портретом великого творца анонимы ни разу не уронили.

Однако, утерев слёзы скорби, на слове «великий творец» мы позволим себе иронически хмыкнуть...

БОЛЬШАЯ ИНВЕНТАРНАЯ КНИГА

Что ж, пришла пора поведать и о себе. Я сын выдающегося поэта Ричарда IV Поэта. В его честь меня и назвали, так что я, получается, Ричард V, и рождён от одной из ста двадцати жён моего неумоимого отца – никто не знает, от какой именно, и я не знаю. Воспитывала меня кормилица Расхристя Горгоновна, которая и отца моего выкормила своей грудью, и моего деда, и даже прадеда с прапрадедом, и много ещё у неё осталось щедрого материнского молока.

Детей своих отец не признавал, а меня признал – за красоту и талант, который проявился уже с пелёнок: я расписывал пелёнки невиданными доселе рифмами.

Родитель мой происходил из старинного рода Пустобрехов: и отец его был Пустобрех, и дед Пустобрех, и прадед с прапрадедом тоже Пустобрехи – и все Ричарды, потому-то и пришлось их пронумеровать. Пришли Пустобрехи из неведомых земель, из тридевятого царства, и осели тут. Хорошо осели – по самый фундамент.

Ричард IV Поэт – был, как я уже сказал, выдающимся поэтом, автором несметного количества книг, всяческим лауреатом и кавалером многих орденов. Одно досадно – Нобелевская премия ему пока не давалась, хотя он исправно, каждый год номинировался, но всякий раз пролетал, уступая своё законное место наглым выходцам из Африки, Европы и прочих Америк. Но Ричард IV Поэт был настойчив и знал, что наступит его звёздный час: Нобелевский комитет одумается, созреет до понимания Пустобреха, и вручит ему вождеденные миллионы, а главное – войдёт Пустобрех в самые аннальные анналы истории, встанет в один ряд с мировыми гениями. Он давно уже и смокинг себе пошил для этого эпохального события, и манишку ежегодно крахмалил, и чистил туфли лучшей ваксой «Негрофил».

... Вообще, надо сказать, был Ричард IV Поэт довольно азартным человеком, как все коллекционеры. А коллекционировал он не только собрания своих сочинений, но и золотые монеты, окаменевшие экскременты и яйца динозавров – из одного яйца вылупился монстр, пожрал все рукописи моего отца – гад! – и снова окаменел, старинное оружие, включая заточки и столовые ножи, собирал ключи от квартир, отмычки, марки, картины, написанные слонами, макаками и прочими, тоже каками, непарную обувь, автомобили, работающие на человеческом газе, интимное бельё подруг, фигурки чертей в образе политических деятелей, спичечные коробки, где позолоченные спички имели бриллиантовые головки. Спички не высекали огня, ну, так что ж? Стихи Ричарда IV Поэта Пустобреха

тоже не высекали огня, однако издавались в роскошных переплётках и красиво смотрелись на книжных полках.

Как заядлый коллекционер, Ричард IV Поэт собирал ещё награды. Но не чужие, как обычные коллекционеры, а собственные. Если у кого-то из смертных, а также бессмертных, появлялась какая-то новоучреждённая награда, а у Ричарда IV Поэта её не было – он тут же заболел, он бредил этой наградой, он всячески её домогался, он подкупал наградные комитеты, но получал своё, пусть это был всего лишь маленький значок ГСТЖО («Готов к супружескому труду и женской обороне»).

Последнее время наград в мире расплодилось великое множество, и всё своё время Ричард IV Поэт употреблял теперь на соискание званий и орденов. Простим ему эту маленькую слабость – ведь гений...

... С некоторых пор Ричард IV Поэт считал недостойным себя, лауреата и орденосца, лично водить пером по бумаге, и уж тем более, лично рожать стихи. Ричард IV Поэт рожал в духе времени – суррогатным путём, т.е. при помощи наёмных стихотворцев. Но и один из Дюма так же поступал: ничто не ново под луной! Вот и отец мой – бросал в наёмников семя своих нетленных замыслов, а уж «суррогатные матери» (за некоторую сумму, а иногда и просто за тарелку супа) вынашивали стихи, и Ричард IV Поэт печатал эти, зачатые, образно говоря, в пробирке, произведения под своим именем. Никто не сомневался в их подлинности, так они были похожи на него и друг на друга: такие же крикливые, ужасные пачкуны, а уж воды из них выходило – можно затопить не одну колыбель человечества. Это не моё мнение – так писали злобные завистники. Я же скажу, положи руку куда угодно, что это были, хоть и искусственные, но его дети. Да, его! И он их любил, в свободное от наград время – в отличие от натуральных, человеческих детей. Кроме меня, конечно. Любовь его ко мне проявлялась в редкие минуты творческого расслабления, когда отец входил на кухню, где Расхристя Горгоновна кормила меня щами, и вливал мне в тарелку флакончик чернил, любовно поглаживая по русой моей головке в детских кудряшках. Это был последний флакон отца, и он его не пожалел для меня – такова была сила отцовской любви!

Возрождённое через века ноу-хау Ричарда IV Поэта Пустобреха по суррогатному производству стихов подхватили другие стихотворцы, и начался буквально литературный бэби-бум из пробирки, и этот пробиричный бум пробирал читателей не только до мозга костей, но и других частей организма. Организмы оказались слабоваты для такой атаки, и пробирание выплеснулось в открытый космос, отчего начали происходить разные катаклизмы: землетрясения, цунами, смерчи, всенародные несварения желудков, завороток мозгов, разноцветные революции и т.д.

Но вернёмся к главному занятию Ричарда IV Поэта – к соисканию премий и наград. Для наград было построено специальное хранилище – настоящий рыцарский замок, окружённый глубоким рвом. Но если вы хорошенько приглядитесь к замку, то воскликнете в изумлении: «Да это же памятник Ричарду IV Поэту Пустобреху!» Да, замок, на самом деле, являлся одновременно и прижизненным памятником моему отцу – с каменными руками и ногами, подвесные мосты падали, как интимные одежды Ричарда IV Поэта, и тогда ров вспучивался ржавой водой. Вместо крыши венчала замок голова моего отца – в лавровом венце из чистого золота. И вознёсся он главою непокорной не только выше Александрийского

столпа, но и выше облаков! И хранились в замке-памятнике несметные богатства, доступ к которым был закрыт для всех, даже для меня, а что там было, я узнал из Большой Инвентарной Книги хранилища, которая досталась мне по наследству. Вот только некоторые, запечатлённые в ней, единицы хранения:

Редкий орден «Большой Берцовой Кости» – с тропических берегов Папуасии, золотая медаль «Суррогатная Мать-Героиня», «Орден печки» – в честь юбилея Ильи Муромца, который тридцать лет и три года отсидел на русской печи и вышел по амнистии, «Орден Голубой Подвязки» – от Союза нетрадиционной литературной ориентации, «Орден Развязки, I степени» и «Орден Развязки, Последней степени» – от Общества анонимных алкоголиков, «Орден свечки» – от Общества любителей геморроя, «Орден Ку-Ку» – от Международной гильдии психиатров, Похвальный Лист из Гааги – за ценные показания против тайного общества «Стыда и Совести», Железный Крест «Арийского Шнапса», Алмазный Полумесяц «Героя многократного обрезания» – из уцелевших эмиратов, «Орден Почётного Легиона Девушек» – из Парижа (ну, папаша! Ну, проказник!), значок «Мастер спорта по невольной борьбе», увесистый кубок чемпиона по непрерывному чтению стихов – этим кубком можно было вбивать сваи мостов или разрушать стены пятиметровой толщины. Был у него и Почётный Знак «50 лет в строю» – от левоногих писателей, и «50 лет в струю» – от узбекских мелиораторов, перед которыми вдохновенный отец мой несколько часов выступал с многоструйными поэмами. Мелиораторы ни слова не понимали по-русски, но белый человек так громко кричал, так красиво поводил бровями, что очень понравился узбекам, и они с удовольствием наградили его почётным знаком и с таким же удовольствием выпроводили с миром. А народы Севера оленьим навозом прилепили к его дорожному пальто свой «Орден Нижних Людей» – так они звали обитателей загробного мира, и под бубны сплясали вокруг костра из его книг, которые по случаю завезла на Крайний Север районная автолавка, на нескольких собачьих упряжках. Что с них возьмёшь? Дети природы!

... Был Ричард IV Поэт Пустобрех «Заслуженным деятелем искусственных искусств», «Народным Пустобрехом», «Лучшим Гуманоидом Года» – эту премию учредила Всемирная Академия Уфологов из диких посёлков Большой и Малый Почечуй, где обитало два с половиной жителя (половинным был безногий уфолог). Являлся Ричард IV Поэт и «Почётным пограничником» садового товарищества «Спецрой» (от Управления по разрыванию только что построенных дорог), которое граничило с товариществом «Копец» (от Банка нетрудовых накоплений). Спецроевцы постоянно враждовали с копековцами из-за плодоярки, что съедала весь урожай. Копековцы считали, что спецроевцы специально запускают плодоярку в их сады, а пограницы «Спецроя» вылавливали червей-диверсантов с печатью «Копец» на червячьих брюшках.

А ещё Ричард IV Поэт был «Почётным гражданином города Почечуйска» – столицы отечественных почечуев, где родился. Правда, родился он совершенно случайно, потому что его мамаша, моя природная бабка, не планировала наследника, и родила, так сказать, по залёту, от заезжего молодца Ричарда III Пустобреха, по кличке Скотовод, который как раз перегонял скот через Почечуйск. Он-то и покрыл мою бабку на сеновале одного из постоянных дворов. Бабка забрюхатила. Пыталась избавиться от неожиданного подарка, но все припарки и зелья не помогли, и отец мой осчастливил белый свет своим появлением, за что получил

свой первый орден – клеёнчатую бирку на руку, а мамаша его – первый срок, за то, что, не сходя с родильного стола и мучаясь схватками, выкрала в роддоме все запасы медицинского спирта. Какова, а? Тоже талант!

* * *

... Но, несмотря на своё непростое рождение, новый Ричард Пустобрех, четвёртый по счёту, выбился в большие люди и даже получил Гран-при на Хэппиэндском кинофестивале – за серию фильмов на почечуйную тему: «Цветение почечуя-1», «Цветение почечуя-2», «Цветение почечуя-3» и т.д. – пока не кончились цифры, а также плёнка и продюсеры. Кончина продюсеров была быстрой и безболезненной, что и утешало трепетное сердце моего отца.

Японцы могут часами смотреть на цветение сакуры, а почечуйцы бесконечно любят цветение своих почечуев. Это и запечатлел Ричард IV Поэт Пустобрех во множестве серий. Замахнулся он со своими почечуями и на Голливудского золотого «Оскара», и у него были все шансы на победу: западное кино всерьёз заинтересовалось почечуями в нас и вокруг нас.

А пока отцу моему приходилось довольствоваться вместо иноземного «Оскара» отечественными «Аскарами», добытыми на киношоке, который ежегодно проходит в нашем родном Почечуйске и вызывает нешуточный шок у зрителей. Ричард IV Поэт стал многократным обладателем почечуйских «Аскаров» – их у него скопилось штук шесть, и сполна вкусил всю тяжесть славы. Быть «Аскароносцем» оказалось делом очень хлопотным: Аскары были дюжими хлопцами, много ели, пьянствовали, приводили в дом поэтесс и критикесс по вызову, и всячески досаждали моему отцу. Он даже подумывал отказаться от Аскаров в пользу своего соперника Мордухвая Задрипенко, который был знаменит тем, что мылся первый и последний раз при своём рождении, и его появление на киношоке жюри чуяло, едва Мордухвай выходил из дома, за тысячу вёрст от Почечуйска. Совсем, было, Ричард IV Поэт решил отдать пахучему Задрипенко своих Аскаров, но душа коллекционера воспротивилась, да и престижем Ричард IV Поэт дорожил пуще своего покоя, и потому терпел распоясавшихся вконец Аскаров, которые теперь и в спальню его проникли, и забавлялись с его молодой, сто двадцатой женой, Эротиной Блуданс. Она была моделью на выставке манекенов. Тогда Пустобрех побил Аскаров своим пудовым кубком чемпиона по непрерывному чтению стихов.

Кубок этот ему дался так же непросто, как и почечуйские «Аскары». Целый год – без перерыва – читал Ричард IV Поэт Пустобрех свои стихи на международном фестивале «Цензурная речь» (аналог другого фестиваля – «Нецензурная речь»), пока язык не распух и не отвалился. Пришлось потом пришивать ему новый язык. Много языков перепробовали – и от соловья, и от барашка, и от бычка, и от прокурора Почечуйска, который подавился за обедом взяткой из морских свинок (подсунула эпидемиологическая лаборатория). Что давали, то и ел прокурор. Поел он морских свинок, и тут же отдал Богу – душу, а Ричарду IV Поэту – язык.

Но не приживались органы речи. Наконец, один прирос, да так хорошо, будто век тут был, будто отец мой родился с ним. А взяли тот чудодейственный язык у тундровой лайки. И всё бы ладно, да только по временам выдающийся поэт вместо человеческих слов начинал громко лаять, и на эту его тундровую речь сбегались собаки со всей округи, и не просто собаки, а всё кобельки, так как язык для Ри-

чарда IV Поэта Пустобреха был отнят у самочки. Впадали в любовное томление и его пёсики Ямб и Хорей, которых пришлось кастрировать.

Всё же, как назовёшь человека – так он и поплывёт. Одним словом, Пустобрех.

... Побил Ричард IV Поэт обнаглевших Аскарков кубком чемпиона, облаял крепко, они и присмирели чуток. Втихомолку пили, даже не чокаясь. А как увидят какую поэтессу, или того хуже, критикессу, у бедных Аскарков, у всех шестерых, тут же начинался анурез, диатез, обалдез и полный протрезвез. В один из таких протрезвезов Аскарки пропали. Вроде бы их видели у Мордухвая Задрипенко, но Мордухвай всё категорически отрицал, пока и сам не исчез загадочным образом. Был, был – и вдруг растворился в воздухах, на глазах у изумлённой публики. Отныне Мордухвай существовал только в виде запаха, и по этому запаху его всегда узнавали бывшие жёны, а их у Мордухвая тоже было немало, хоть и не мылся. Они теперь частенько собирались вместе, чтобы пообонять любимого Мордухвая.

... Но продолжим читать Большую Инвентарную Книгу из замка моего отца, Ричарда IV Поэта Пустобреха. Главную Книгу его жизни. Была там запечатлена и бумага с печатями, в которой говорилось, что его именем названа одна из пылинок туманности «Кумысный Путь». Её открыли монгольские астрономы в год Деревянной Лошади. Была и купчая на самую глубокую впадину Луны, опять же его имени, которую он приобрёл совсем недорого в подземном переходе Почечуйска, и теперь его пёсики Ямб и Хорей, лишённые детородной функции, по ночам выли не просто на Луну, а уже адресно – на личную впадину Ричарда IV Поэта.

Там же, в переходе, купил мой отец и Грамоту с фамильными гербами, которая подтверждала его сверх благородное происхождение. В грамоте этой – между прочим, с водяными знаками и пятью степенями защиты – говорится, что отец мой, а значит, и я – прямой потомок Адама и Евы, самый главный наследник Рюрика и Чингизхана, прусский крон-принц, цыганский барон, герцог Герцоговины, английский лорд, кавказский князь (у него было две сакли и пять баранов), каннибальский вождь (по числу съеденных односельчан), глава династии миллионеров Рокфюреров, султанский султан, шахматный король, отец почечуйской мафии, граф, инфант, сэр мэра, и прочая, прочая.

Всемирный Институт Зоологии тоже удостоил чести моего отца – назвал Пустобрехием открытый нечаянно микроб, который заражал всех без разбора писчей почечуйкой. Переболели даже Президенты соседних стран, члены ООН, ВОЗ, ПРИВОЗ и мн.др. Вспыхнули очаги нешуточной паники, переросшей в пандемию – всюду, где водились паны.

Из-за этого микроба у зоологов начались судебные тяжбы с Почечуйским Институтом Химических Исследований, который ещё раньше Пустобрехием обозначил новый элемент в новейшей таблице химических элементов своего учёного Дурды-Мурды Мендеева. Элемент этот во взаимодействии с другими элементами давал неизменно одну и ту же реакцию: растворялся без остатка, сворачиваясь напоследок дымной фигой. Сам по себе Пустобрехий был совершенно бесполезен, но фокус химикам понравился. И они так часто химичили с ним, показывая мировой науке фиги, что вскоре все запасы Пустобрехия закончились, однако суды с зоологами продолжались.

... Было у отца моего Ричарда IV Поэта несколько тысяч лауреатских наград, среди них – имени «Братьев, стругацких тексты», имени поэта весенних безумств «Офонарятьева», имени «Вольтонутия Скотта» – шотландского барда из пивного бара «Одноглазая красотка», имени «Лохнесского чудовища», с подвеской из чешуи этого крокодила, а также Ричард IV Поэт был лауреатом премии «Золотое перо Бутырок», «Серебряное перо» – от Антарктидской партии младопингвинов, «Платиновый хрен» фермерского хозяйства «Бузина» Киево-Дядьковского околотка, «Алюминивая пядь Соньки-Золотая ручка» – от кооператива домушников «Зори Магадана». Удостоен он был и Большой порции от премии имени «Мари и Хуана» – ею поделился корпоратив испанских борцов с дурью.

И, наконец, однажды, ранним утром – часа в четыре – вручили ему свидетельство от «Книги Рекордов Гиннеса»: «Ричард IV Поэт Пустобрех – рекордсмен по количеству наград!» После первого героя «Книги Рекордов» – Геракла, совершившего всего двенадцать подвигов, наш герой был самым героическим.

... Отец мой, говорят, любил посещать хранилище своих наград, при этом всегда восклицал: «Я царствую! Какой волшебный блеск!» Он эту фразу где-то читал, но не мог вспомнить, где, и потому легко присвоил себе. Скажу откровенно, я тоже нередко так делаю, не видя в этом никакого греха. Не зря ведь сказано: «Искусство принадлежит народу», и значит, народ может использовать его по своему усмотрению.

Отец часто мечтал вслух при мне, как на его похоронах, на бархатных подушечках вынесут все его награды. «О, это будет грандиозное зрелище! – говорил мой отец, и глаза его сияли восторгом. – Процессия из наградосносцев растянется, наверно, из конца в конец города, а, может, и опояшет всю страну!»

Для такого триумфа готов он был даже немножко умереть, но только совсем немножко, а потом непременно воскреснуть на глазах у всех и торжествовать уже на полную катушку. Но была опасность слететь с катушек, так как отец Ричарда IV Поэта, Ричард III Скотовод закончил свои дни в психушке, и дед Ричарда IV Поэта, Ричард II Воин – тоже там: один – в палате с Гомерами, другой – в палате с конницей Александра Македонского. Да и прадед, Ричард I Пустобрех, был большим оригиналом. Он маниакально любил собак, за что народ и прозвал его Пустобрехом, а высшее общество величало «Ричард-Собачье Сердце».

(Так вот откуда пошло «Ричард-Львиное Сердце» и булгаковское «Собачье сердце!» Мир создан плагиатом! Искусство воистину принадлежит народу!)

За стол Ричард-Собачье Сердце садился только со своими гончими псами, а домочадцев отправлял на кухню, к челяди. Если приезжали гости, то опять же он за богато сервированный стол приглашал их собак, а гостям предлагал то, что оставалось от собачьего пиршества.

Ричард-Собачье Сердце был рифмачом – так в старину называли поэтов. Рифмачество передалось по наследству моему отцу и мне. Ричард III Скотовод был избавлен от этого наказания, как он сам называл рифмоплётство, и фамилию Пустобрех не оправдал. Но, как ни отрекался от рифмачества Скотовод, а всё же сошел с ума и дни свои закончил среди поэтов – в палате с Гомерами. Ричард II немного упражнялся в рифмах, но только в детстве, закаляя в себе боевой дух, ибо рождён был Воином, и употреблял исключительно рифмы глагольные: «побежал-догнал», «победил-наградил». Потом он забросил это баловство и полностью посвятил себя войне, став героем. Он прославился при битве у сельца Распутное: взял в плен всё

сельцо, состоящее из пятнадцати дев. Утомлённый подвигом, Ричард II оставил военное поприще и удалился в своё родовое имение Пустобреховку – вместе с пленёнными девами. А вот в поэзии он никак не наследил, подав дурной пример своему потомку, Ричарду III Скотоводу.

Зато уж прадед, Ричард I, по прозвищу Ричард – Собачье сердце не только оправдал нашу фамилию, но и прославился книгой «Песни Псовской губернии», которые тогда же были переведены на один из вселенских языков. Народ этой вселенской страны любил особую кухню, где гурманам подавались изысканные блюда из белых дворянжек под острым саранчовым соусом – непременно из дворянжек и непременно из белых, иначе не было нужной вкусовой пикантности. Была и ещё одна обязательная приправа: старинные диетологи вселенской страны советовали перед началом трапезы прочитывать пару-тройку песен Псовской губернии – для повышения аппетита. И песни прекрасно повышали аппетит! Это ли не лучшее признание поэта?

Отец мой тоже мечтал о подобной славе, но его книжки не доходили пока до обеденного стола, останавливаясь там, где гурманы обычно бывают после переядания. Но Ричард IV Поэт не унывал. Он находил утешение в том, что у него наград больше, чем у прадеда. С некоторых пор награды стали стремительно приумножаться.

... Быстро освоившись среди акул, акулят и акулин дикого капитализма, мой предприимчивый родитель решил не ждать милости от награждателей, а сам ковать – пока горячо! – медали и ордена, и торжественно себе вручать. Согласитесь, идея гениальная. Теперь у него много последователей, но тогда это было ново и чертовски просто. Для производства наград откупил он у мэра Почечуйска его личный заводик, который раньше выпускал танки, потом танкетки для женщин, потом тушь для японских стихов танку, а потом разорился, потому что японцы перестали покупать почечуйскую тушь, обнаружив в ней большое количество слюны. Что скрывать – наши люди всё ещё наплевательски относятся к работе.

Ричард IV Поэт переоборудовал цеха под наградное дело – и конвейер снова заработал!

Неизвестно, сколько бы ещё наград получил сам от себя выдающийся Ричард IV Поэт Пустобрех, если бы однажды не сыграл в ящик, не в меру перелюбив себя, нежной весной, в пору цветения почечуев. Я же говорю, азартным был человеком! Бедный, бедный мой родитель...

В ящике он лежал, облачённый в одежды нобелевского лауреата: сгодились всё же! Но тут приключилась одна неприятная история. Вошли похоронщики в его рыцарский замок, где копилась награды, чтобы водрузить их на бархатные подушечки, чтобы понести через всю страну – а наград-то и нет! Пусто. Исчез и лавровый венец из золота, украшавший голову замка. Осталась только Большая Инвентарная Книга.

Оказывается, все награды и венец моего отца – оптом! – продала его распутная, сто двадцатая вдова Эротина Блуданс, – ну, не сволочь ли?! – и укатила в жаркие страны, беспечно напевая: «Приезжайте, девушки, на моря, ради настоящего дикаря!»

Что ж, я её поджидаю. На Мёртвом море. Самом мёртвом из мёртвых. Берегись, Эротина!

